

МИХАИЛ КЕЛЬМОВИЧ

ИОСИФ БРОДСКИЙ

И ЕГО СЕМЬЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 78.071.1
ББК 85.31-8 В18
К34

Дизайн серии *Андрея Фереза*

Дизайн обложки *Яны Половцевой*

Фото на переплете ФГУП ИТАР-ТАСС (Агентства «Фото ИТАР-ТАСС»)

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива Михаила Кельмовича, Информационного агентства России ТАСС и ФГУП МИА «Россия сегодня»

Кельмович, Михаил Яковлевич

К34 Иосиф Бродский и его семья / Михаил Кельмович. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 352 с.; ил. — (Зеркало памяти)

ISBN 978-5-17-175131-9

Иосиф Бродский — легенда XX века. Восемь классов образования и карьера университетского профессора, ссылка на Север и Нобелевская премия по литературе, любовь к родному Ленинграду и эмиграция, суд за тунеядство и открытие новых возможностей родного языка на чужбине — все это вехи жизни великого поэта. Воистину, гения вначале низвергают до среднего, делают изгоем, а затем изучают его наследие.

«...Все попытки воскресить прошлое похожи на старания постичь смысл жизни», — считал Бродский. Эта книга — рассказ двоюродного племянника Иосифа Бродского, Михаила Кельмовича, попытка проследить судьбу поэта через его семью, в которой царил удивительная атмосфера единства и взаимопомощи. Все было общим и для всех, родителей, близких родственников — семейный очаг, семейная память, родные «полторы комнаты» в Ленинграде. Эти воспоминания помогут читателю вступить в диалог с поэтом через прикосновение к его семье и корням.

УДК 78.071.1
ББК 85.31-8

ISBN 978-5-17-175131-9

© М.Я. Кельмович, 2025
© РИА Новости
© Сергей Берменьев/ТАСС
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Благодарности:

Хочу выразить глубокую
признательность Лиле и Михаилу
Руткис за неоценимую помощь
в работе над этой книгой.

Особые слова благодарности
моей спутнице и постоянной
помощнице в литературных делах
Елене Павликовой и редактору
первого и второго издания
Светлане Абовской.

Предисловие

Внутренним условием для написания этой книги стала работа со словом, попытка художественного, а не популярного изложения. Представление о том, что можно заполнить страницы простым описанием фактов или научно-образным анализом стихов, вызывало чувство неловкости. Подобное возникает, если в ботинках с уличной грязью ступить на вымытый пол. Иными словами, мысль о том, что о Иосифе Бродском можно писать шаблонно, кажется мне абсурдной.

Вследствие подобной установки текст получился независимым и, я бы сказал, несколько своевольным. О качестве не берусь судить, но отчасти он не отвечает пожеланиям все подробно объяснить. Для того чтобы внести ясность и увязать детали, потребовалось предисловие. В нем исходные факты и события семейной истории расставлены по местам.

Итак, книга посвящена Иосифу Бродскому и семье, в которой он родился и вырос. О жизни и творчестве поэта написано невероятно много. При этом остается практически неизвестной та часть его существования в Питере, что протекала вместе и рядом с родителями и близкими родственниками. Возможно, на фоне творческого взлета, преследований, крушения любви она казалась незаметной — но скорее, представляется, рассказать о ней было некому.

Можно было бы подумать, что нам не известно ничего о жизни матери и отца Иосифа Бродского, об их чувствах к сыну, если бы не существовало пронзительных строк эссе

«Полторы комнаты». Текст невелик, но Иосиф так много сказал о них и о своем доме, что, кажется, добавить нечего.

С трепетом берусь за ту же тему. Это имеет смысл хотя бы потому, что я находился в другой позиции: не столь близкой, но все же рядом. Иная точка обзора позволяет охватывать взглядом жизнь поэта и его родителей сразу, видеть их отношения без дистанции, но чуточку со стороны. Это еще взгляд с противоположного края океана: не из Нью-Йорка на берега Невы, а скорее наоборот. Подобная позиция позволяет мне сказать: родители Иосифа Мария Вольперт и Александр Бродский были столь незаурядными людьми, что следовало бы только о них написать отдельную повесть. Когда-нибудь так и случится.

Не меньшего внимания заслуживают другие члены нашей семьи, все старшее ее поколение. О них действительно не известно ничего. Вскользь сказанные две фразы... И здесь надо восстановить справедливость, ведь с историями их судеб мы обретаем настроение и картину той эпохи. Она в людях.

Следует уточнить, что я называю семьей. У Марии Моисеевны Вольперт, матери Иосифа Бродского, были три сестры и брат. У некоторых из них были мужья (жены) и дети. Вместе с детьми — Иосифом и его двоюродными братьями — и затем внуками они образовывали нашу семью. Я не знаю, как это назвать точно, может быть, кланом или родом. С того времени, как себя помню, я воспринимал родственное пространство в два круга. Внутренний — я, родители, бабушка; мы жили вместе в одной комнате. И второй — внешний, состоящий из всех членов нашего клана. И этот второй круг ощущался не менее близким, чем первый, и, может быть, в чем-то более фундаментальным. Для ребенка это была внутренняя родина, абсолютная точка отсчета. Мне кажется, что все в нашей семье ощущали свою общность со всеми так же.

Дело не только в том, что все мои близкие были особенными во многих отношениях: талантливыми, мужественными, интеллигентными, эрудированными людьми. Нас объединяла удивительная атмосфера единства. Мы были действительно родственны не только общностью интересов и взглядов, помощью друг другу, устройством быта... — чем-то еще... Великие стихи не всегда, не только — вырастают из «сора»*.

Общность наша имела множество выражений; кроме всего прочего, она заключалась и в том, что двоюродный брат или племянник, например, воспринимался близким родственником.

Патриархами семьи были Моисей и Фанни Вольперт. Они до Первой мировой войны жили в Двинске и с началом боевых действий перебрались в Санкт-Петербург. Мой прадед был агентом по продаже швейных машинок «Зингер» на северо-западе: в Прибалтике и Петербурге. Фанни занималась домом и детьми. Я, к сожалению, знал их только по фото.

Основу семьи в то время, которое я помню, составляли дети Моисея и Фанни — сестры и брат Вольперты. Мне кажется, что особое пространство сложилось из их дружбы.

Вот оно, старшее поколение.

Мария Моисеевна Вольперт, мать Иосифа Бродского, и его отец — Александр Иванович Бродский. Три сестры Марии: Роза Моисеевна Кельмович, Раиса Моисеевна Руткис, Дора Михайловна Вольперт. Их брат — Борис Моисеевич Вольперт и его жена Тамара Израилевна Зингер. Муж Доры — Михаил Савельевич Гавронский.

* «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...». А. Ахматова. — *Здесь и далее — примеч. авт.*

Следующее поколение нашей семьи — это Иосиф Бродский и его двоюродные братья: Яков Захарович Кельмович — мой отец, Михаил Викторович Руткис и Александр Борисович Вольперт. В книге упоминаются моя мама — Нина Гордина и ее брат Солик (Соломон Гордин), а также Лиля Руткис — жена Михаила.

Лилия (Циля Александровна Руткис) сыграла особую роль в сохранении архивов Иосифа Бродского и переписки его с родителями. Семья Руткис спасла большую часть обстановки Полутора комнат и передала все материалы и вещи в Фонтанный дом, предполагая, что они станут основой экспозиции будущего музея.

О близких Александра Ивановича я, к сожалению, ничего не знаю. Таким образом, в качестве круга родственников Иосифа в книге упоминается только материнская линия.

Роза была старшей в семье, и мой отец родился в 1923 году. В результате образовался возрастной сдвиг поколений, в силу которого отец был ближе к старшим: к своему дяде Борису, Рае и так далее, а я по возрасту попал в одну компанию с Александром Вольпертом и отчасти Михаилом Руткисом. Иосиф в этом смысле был несколько изолирован: много моложе моего отца и старше Михаила и Алекса. Пожалуй, с Руткисом они больше совпадали.

Возрастной сдвиг сохранился в следующем, третьем поколении. Я значительно старше своих троюродных братьев и сестер, в том числе и детей Иосифа Бродского.

В нашей семье существовали три характерные привычки.

Первая: все праздники и большинство дней рождения старшего поколения, всех сестер — точно, справлять в квартире Бориса на улице Чайковского.

Вторая: на лето снимать дачу в Зеленогорске в одном и том же его районе ближе к Комарово, к тому месту, где сегодня находится санаторий «Балтийский берег».

Третья: все мы привыкли называть основные места обитания членов семьи отвлеченно, по названию улицы. Квартира Бориса была просто «Чайковская». Поехать «на Чайковскую», встретиться «на Чайковской». Полторы комнаты — коммуналка, в которой жили Бродские, — обозначалась как «Пестеля», хотя номер дома был Литейный, 24. Говорилось, например: «надо захватить на Пестеля» или «на Пестеля сегодня придут Осины друзья». О нашем доме говорили: «на Майорова», в то время как он стоял на площади рядом с Исаакиевским собором*. Дора жила «на Бородинке» — на Бородинской улице, 13, а Рая — вначале «на Литейном», а затем «на Кутузова».

Этими же названиями пользуюсь и я в данной книге.

* Проспект Майорова, ныне Вознесенский, начинается от Адмиралтейского проспекта.

Часть 1

Детство во дворце

По безнадежности все попытки
воскресить прошлое
похожи на старания постичь
смысл жизни.

Иосиф Бродский «Меньше единицы»

Подсказка

Вопрос о том, чтобы написать несколько страниц воспоминаний об Иосифе Бродском и моей семье, всплыл в очередной раз, когда мы сидели в кафе «Чуланчик» на улице Чайковского. Я всегда относился к таким предложениям настороженно по нескольким причинам. Во-первых, в слове «мемуары» мне почему-то слышится издевательский оттенок. Далее, в пространстве языка и смысла будущее всегда маячит впереди, а прошлое мы осознаем позади. Я же никогда не любил оглядываться назад.

Аналогия того, какое место прошедшее занимает в моей жизни, сводится к типичному кадру из фантастического боевика, когда главные герои бегут по мосту, который обрушивается прямо у них за спиной. То есть, каким бы «монотонным» ни ощущалось будущее, прошлого не существует вовсе.

Причина, по которой я все же «взялся за перо», отчасти состоит в том, что разговор происходил в обстановке, неумело, но трогательно воссоздающей советскую квартиру 70-х годов, к тому же мы находились в кварталах, которые были основным местом происшедших когда-то событий. Пространство и предметы интерьера подталкивали к воспоминаниям. В этом была подсказка, совершенно мне необходимая.

Несмотря на безоглядность в отношении прошлого, свое детство и юность я воспринимаю как огромный объем жизни, оставленный в том временном измерении. Кажется, он наполнен образами людей, ситуаций и событий, составляющими целую эпоху. Однако при попытке обратить-

ся к воспоминаниям ощущение оказывается обманчивым, и я убеждаюсь всякий раз, что речь идет скорее о чувстве, о принадлежности к определенному времени, месту и отношениям. Память об отдельных событиях, вероятно, хранится где-то глубже гортани, и при попытке извлечь ее содержание связанного и целого воспоминания, а также текста не рождается.

В то же время отчетливы образы старых ленинградских квартир, в которых протекала наша жизнь. Может быть, если мысленно входить в эти квартиры, мне удастся подробнее восстановить ход событий?

Моя квартира

Я родился и вырос во дворце. Следует добавить: в большой коммунальной квартире. Мы жили в квадратной двадцатиметровой комнате впятером: мои родители, я, бабушка и мамин брат. Потом мамин брат Солик женился, и у него родилась дочка. На какое-то время нас стало семеро.

Тогда я ходил во второй или третий класс и иногда серьезно задумывался о том, что, если бы можно было положить нашу комнату на бок, ее площадь была бы больше. Дело в том, что потолки в ней были высотой шесть с половиной метров.

Когда во дворце делают коммуналку, пространство всегда получается необычным. Так вышло и в нашем случае. В каждом жилом помещении коммунального дворца был построен второй этаж, который занимал пространство над коридором и приблизительно на треть выступал в комнаты. Получалась великолепная антресоль с деревянными перилами. У нас его площадь превышала 12 метров. Еще одна настоящая комната, только вытянутая. Это было смягчающее существование обстоятельство. Ей пользовались по-разному. Иногда наверху жил я. Потом там поселился Солик со своей семьей.

Подобный антресольный этаж имелся у всех соседей. На каждый вела деревянная лестница. Лестницы были у кого прямые, у кого с площадкой и поворотом, были и винтовые. Наша — отличалась массивностью и угловой площадкой.

Кроме этого в квартире присутствовали: четырехметровые изразцовые печи, огромные окна со старинной бронзовой фурнитурой и мраморными подоконниками, парадная

лестница из мрамора с бронзовыми же креплениями для ковровой дорожки, черная лестница, кухня площадью 75 квадратных метров с эмалированным умывальником в углу, дровяная колонка в ванной и выгороженный деревянный туалет, один на всех.

Длинный, как беговая дорожка стадиона, коридор разделяли на индивидуальные секции двери. В нашей секции — почти напротив входа в комнату — висел на стене старый телефон, тоже один на всех. Он часто звонил, и мы слышали через дверь все, что говорилось в черную эбонитовую трубку.

В квартире было всего семь съемщиков. За стеной справа, в небольшой, светлой и узкой комнате жил поэт Володя Уфлянд.

Володя Уфлянд

Уфлянду я ходил в гости потому, что у него жила ворона. Он подобрал раненого птенца и выходил его. Ворона свободно расхаживала по комнате, поэтому весь пол был застелен газетами и все равно загажен. В этом ощущался дух свободы. В его комнате этот дух чувствовался во всем. И что-то еще витало в пространстве, отличное от привычного бытового ощущения. Ощущение быта присутствовало везде: дома и у соседей. Но у Володи было иначе, и поэтому мне у него нравилось.

Хотя его комната выглядела небольшой и узкой, в ней было много света и, как ни странно, ощущался простор. Я думаю теперь, что дух свободы поселился в ней в большей степени оттого, что он не ходил каждый день на работу, и в меньшей — потому что писал стихи.

Свободу выражало все: светлая ткань портьер, то, что ограждение балконного этажа было не сплошным, а в виде деревянной решетки. То, что он жил с Галей, которая не была его женой. (Она тоже мне нравилась.) А также то, что они курили оба в комнате и спали на полу в верхнем этаже.

К нему в гости ходили литераторы. На стенах висели керамические панно, взятые со стен взорванной Греческой церкви. Володя с Соликом — опасное приключение — лазали по развалинам взорванного храма и отыскивали целые изразцы.

Теперь так мало греков в Ленинграде,
что мы сломали Греческую церковь...

Иосиф Бродский «Остановка в пустыне»